

И.В. Пчеловодова

Удмуртские инструментальные наигрыши на орнитоморфную тему

Аннотация. Образы птиц с древних времен занимают важное место в религиозно-мифологической картине мира удмуртов, о чем свидетельствуют многочисленные этнографические, лингвистические и филологические данные. Однако «птичья» тематика не получила должного освещения в трудах по удмуртской традиционной инструментальной культуре, за исключением небольшого количества последних статей удмуртских этномusicологов. Данная статья посвящена выявлению звуковой картины голосов птиц в удмуртских инструментальных наигрышах.

В процессе анализа были выделены три вида программных наигрышей на орнитоморфную тему. Ярче всего звукоизобразительность проявляется в наигрышах на аэрофонах (рябчиковый манок «сяла пеллян / сяла чипсон», натуральная продольная труба «чипчирган», коровий рог «скал сюр»), связанных с трудом охотника и пастуха, и во время календарных праздников (глиняная свистулька «сюй шулан»). В результате исследования музыкальных образцов нами выявлена связь с двумя конкретными видами птиц – рябчика и лебедя, образы которых занимают важное место в удмуртской мифологии. Другие примеры создают типизированный музыкальный символ птицы, что может свидетельствовать о более архаичном способе освоения и отражения окружающего мира.

«Птичья» тематика инструментальных наигрышей не имеет ярко выраженной природы. Она проявляется в ходе анализа мелодико-ритмических, тембро-динамических компонентов структуры, исполнительских приемов.

Ключевые слова: удмуртский фольклор, аэрофоны, инструментальные наигрыши, орнитоморфные образы, мифологические представления, звукоподражание, исполнительские приемы, композиция.

I.V. Pchelovodova

Udmurt instrumental folk tunes on an ornithomorphic topic

Abstract. Since ancient times the images of birds have taken an important place in the religious and mythological worldview of the Udmurts, as evidenced by numerous ethnographic, linguistic and philological data. However, an ornithomorphic topic has not been covered adequately in researches into the Udmurt traditional instrumental culture, with the exception of a few latest articles of the Udmurt ethnomusicologists. This article is devoted to identification of the sound patterns of bird in the Udmurt instrumental folk tunes.

Three types of program tunes on an ornithomorphic theme were revealed. Bird sounds are better produced in tunes played on the aerophones which are usually used by hunters and shepherds (a grouse call «syala pellyan / syala chipson», a natural longitudinal pipe «chipchirgan», and a cow horn «skal syur») and played during calendar holidays (a clay whistle «syuy shulan»). The study of musical samples has allowed the author to identify a connection between two types of birds – the grouse and the swan which take an important place in the Udmurt mythology. Other examples create a typified musical symbol of the bird, which may indicate a more archaic method for exploring and reflecting the surrounding world.

The «bird» subject of the instrumental tunes is not explicit. It is made manifest due to the analysis of the melodic-rhythmic and timbral-dynamic components of their structure and performing techniques.

Key words: Udmurt folklore, aerophones, instrumental folk tunes, ornithomorphic images, mythological folk beliefs, onomatopoeia, performance techniques, composition.

Култ птицы – один из древних в удмуртской традиции. Об этом много и подробно написано в этнографических, лингвистических и фольклорных источниках [1, 39, 73, 123, 277–278, 284, 287; 2; 3, 115–116, 259, 268, 284, 324; 4; 5]. Однако «птичья» тематика до сих

пор не нашла должного освещения в трудах удмуртских этномusicологов, хотя ее следы отчетливо прослеживаются в традиционной инструментальной культуре удмуртов. Об этом свидетельствуют немногочисленные статьи, раскрывающие связь удмуртских

музыкальных инструментов и исполняемой на них музыке, с миром птиц. Так, сходство отдельных элементов в конструкции удмуртского щипкового гуслевида инструмента «крезь» с образами утки/лебедя убедительно показал С.Н. Кунгуров [6, 4], о мифологическом статусе этого же инструмента говорит Т.Г. Владыкина [3, 51–52]. Вопросы звуковой характеристики голосов и криков птиц на материале удмуртского песенного и инструментального фольклора впервые затронуты в статье И.М. Нуриевой и И.В. Пчеловодовой [7]. Последние исследования в области определения жанров удмуртской традиционной инструментальной музыки показали, что основополагающим критерием в их выделении стала коммуникативная функция между человеком и окружающим пространством (миром природы, иными мирами – верхним и нижним). Немаловажную роль при этом играет культ птиц [8].

В данной статье анализируются удмуртские инструментальные наигрыши, связанные с конкретными видами птиц или с образами птиц в целом. Инструментальная музыка рассматривается нами в синхронно-диахронном срезе, т. е. учитывается музыка, звучащая как в определенном историческом срезе (синхронный), так и во временном пространстве (диахронный). В качестве материалов для нас послужили опубликованные нотные сборники [9–11], экспедиционные записи XX–XXI вв., хранящиеся в научно-отраслевом архиве Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН, материалы радиопередачи из фондов государственной телевизионной и радиовещательной компании «Удмуртия», а также дипломные и курсовые работы студентов кафедры музыкального и сценического искусства Удмуртского государственного университета. Методологической основой для нашего исследования послужила статья Н.И. Бояркина, выделившего в мордовской инструментальной музыке три вида программных наигрышей на орнитоморфную тему

[12]. Материалы статьи и результаты исследования станут неоценимым подспорьем в рамках преподавательской деятельности, в области других научных направлений (этнографии, фольклористике, лингвистике), а также всем, кто интересуется традиционной культурой.

Звукоподражательность голосам птиц заметнее проявляется в музыке, исполняемой на аэрофонах в охотничьей и пастушеской деятельности. По своим функциональным и стилистическим особенностям можно выделить три вида программной музыки на орнитоморфную тему.

К первому виду относятся манковые наигрыши. Манки для приманивания птиц позволили выйти за пределы человеческого голоса, максимально приблизив звучание звукового орудия голосам лесных обитателей. Они помогли охотнику стать «своим» среди «чужих». Манковые наигрыши отличает предельная натуралистичность звукоизображения, свобода композиции (охотник будет играть столько времени, сколько этого потребует для поимки птицы). В качестве музыкального инструмента (хотя охотниками оно таковым не признается) используется рябчиковый манок «сяла чипсон / сяла пеллян». В названии инструмента отражается наименование птицы, внимание которой необходимо привлечь, а именно – рябчик¹⁷. Звучание инструмента должно быть максимально близким голосу именно этой птицы. Охотник, подманивая, управляет ее поведением, заставляя поступить так, как это ему необходимо: «объект охоты расценивается как субъект и, более того, как партнер по коммуникации» [13, 135].

Наигрыши на «сяла чипсон» (пример 1) подразумевают одиночное исполнение, хотя не исключено, что играть могли одновременно несколько охотников. В воспроизведении голоса рябчика активно используются такие исполнительские приемы как форшлаги, глиссандирование. Но самое важное – тембр: высокий (h², c²), нежный, со свистящими призвуками:

Пример 1. Манковый наигрыш на сяла пеллян [15, ВК 193].

¹⁷ В образе рябчика в удмуртском фольклоре усматривается один из видов перевоплощения Кылдысина / Му-Кылдысина – бога-творца.

Ко второму виду орнитоморфных наигрышей относятся наигрыши на глиняной свистулке, окарине «сүй шулан». В названии инструмента отражается способ игры – звукоподражательный глагол «шуланы» означает свистеть, свистнуть. На его некогда ритуально-магическую природу указывает форма инструмента в виде птицы – утки/лебедя. Эти птицы одни из самых значимых образов не только в удмуртской, но и в финно-угорской мифологии [14, 167–168, 170–171, 177–178, 181, 185, 187–188]. В прошлом наигрыши на «сүй шулан» звучали в рамках определенных обрядовых ситуаций. Например, в д. Орехово Алнашского района Удмуртской Республики на глиняных свистулках играли только во время наиболее значимых праздников. Одним из таковых считался «гырон быдтон» – праздник в честь окончания пахоты. Использовать их в другое время запрещалось с целью сохранения благополучного всхода будущего урожая [15].

Отличительная особенность исполняемых на «сүй шулан» импровизационных наигрышей – звукоподражательность, построенная на обобщении звукообразов многих птиц. В данном случае акцентируется не натуралистичность изображения голосов отдельных птиц, как в манковых наигрышах, а типизированный музыкальный символ птицы, своеобразный переход из знака-иконки в знак-символ [13, 137], передаваемый с помощью трелей, форшлагов, интонационных и тембро-динамических

комплексов. Стихийность исполнения создает свободу в построении композиции наигрыша.

Третий вид программно-изобразительных наигрышей связан с образом лебедя, исполняемых на натуральной продольной трубе «чипчирган». Название инструмента, с одной стороны, связывают со звукоподражательным глаголом «чипсыны» – свистеть, разливать трелью, с другой, – растением, из которого оно делается: словом «чипчирган» обозначают недоспелку копьевидную. Звук на «чипчиргане» извлекается не вдуванием, а втягиванием воздуха в себя.

Связь с миром птиц аналогичного инструмента ярко проявляется в коми традиции, где инструмент называется «юсь пэлян» – лебедина дудка. Как отмечает коми исследователь П. И. Чисталев, при игре «возникает переливающийся в регистрах по высоте и тембру звук, сравнимый с голосом лебедя<...>: “тур-ря, лур-ля, лурл...”» [16, 87]. Видимо, звукоподражательность лежала в основе и удмуртского чипчиргана, отзвуки которой слышны в записанных рекрутских и плясовых наигрышах – это подобие курлыкания с посвистом (пример 2, пример 3). О виртуозности игры на этом инструменте у удмуртов Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд писали: «<...> Записи эти показывают, что у удмуртов сохранилось огромное мастерство виртуозного использования верхнего обертонового ряда чипчиргана при аранжировке на нем песенных напевов» [10, 28–29].

Пример 2. Наигрыш рекрутской мелодии на чипчиргане [10, 73].

Пример 3. Фрагмент плясового наигрыша на чипчиргане (фонд ГТРК «Удмуртия»).

Хотя инструмент относится исследователями к охотничьему сигнальному, думается, игра на чипчиргане не была связана с охотой на лебедя, более того, убивать лебедя в традиционной культуре удмуртов считалось страшным грехом, «поскольку лебедь удмуртами почитался как священная птица» [1, 39]. Некогда у удмуртов с. Нырья Мамадышского уезда Казанской губернии (совр. с. Нырья Кукморского района Республики Татарстан) бытовал обычай во время большого моления отпускать на волю с большим почетом пару лебедей. Лебедей заблаговременно покупают и «кормят самыми лакомыми яствами» [17, 38]. Атрибутируя чипчирган в качестве охотничьего инструмента, мы имеем в виду, прежде всего, его ярко выраженную звукоподражательную природу, выработанную, видимо, «в результате долговременной практики имитации на инструментах голосов конкретных видов птиц» [12, 54]. Здесь имеют место пережитки особого почитания некоторых зверей и птиц, считавшихся в культуре народа первопредками. Об этом говорят сохранившиеся в удмуртском традиционном фольклоре воршудные¹⁸ названия родов, связанные с наименованиями птиц и животных. Среди них сохранилось и воршудно-родовое имя «Юсь» – лебедь [18, 41–42]. Возможно, первоначально натурально имитируемые крики птиц (животных), как первопредков, в дальнейшем развитии абстрагировались от своего конкретного звукообраза, утратив магическое значение [12, 54], значительно усовершенствовались и усложнились. Выработанные программно-

изобразительные комплексы, не связанные с их первоначальным истоком и не осознаваемые самими исполнителями в качестве таковых, стали основными исполнительскими приемами на данном инструменте, включаемые в композицию как обрядовых, так и необрядовых наигрышей. Совершенно точно отмеченное Е.В. Гиппиусом и З.В. Эвальд использование звуков верхнего обертонового ряда является одним из ярких исполнительских приемов. Другим приемом можно назвать виртуозную технику нисходяще-восходящего движения шестнадцатыми и тридцать вторыми длительностями (Е.В. Гиппиус обозначил их как арпеджированные пассажи), триольность и форшлаги. Композиция наигрыша подчинена развертыванию песенной темы, ставшей основой для наигрыша.

Все зафиксированные наигрыши на чипчиргане сделаны от одного исполнителя – Шабалина Ивана Афанасьевича, 1901 г. р., ур. д. Кельмовыр-Жикья Селтинского района Удмуртской Республики. В жанровом отношении один из них является наигрышем рекрутской мелодии рекрут «гур», второй представляет инструментальный вариант жалобной (необрядовой лирической) мелодии «жож гур», три плясовых «эктон гур» и наигрыш, обозначенный термином «гур» – напев, мелодия. Последний представляет особый интерес. Медленный темп исполнения, форшлаги, триольное движение в пределах терции, высокая тесситура (регистр второй и третьей октавы $as^2-b^2-c^3-des^3-es^3$) создают яркую картину звукового образа лебедя (пример 4).

¹⁸ Воршуд – покровитель рода, лубяной короб, в котором хранились священные для рода пред-меты [1, 275, 282].

Пример 4. Наигрыш на чипчигане [11, 216]

Связь с образом птиц просматривается и в пастушьих наигрышах на коровьем роге «скал сюр». Пунктирный ритм, характерный для этого жанра сигнальной музыки, гармонично перемежается с восходяще-нисходя-

щими переливами в пределах терции, создавая картину утреннего пения птиц. Особенно ярко это проявляется во втором наигрыше, исполненном во второй октаве ($g^2-as^2-b^2$) (пример 5).

Пример 5. Наигрыш на скал сюр [9, 180]

В композиционном плане наигрышам присуща импровизационность, построенная на вариативном повторении одной темы. От этого объем произведений может сжиматься и разжиматься до нужных для исполнителя размеров.

Таким образом, рассматриваемые удмуртские инструментальные наигрыши выявили связь с двумя конкретными видами птиц – рябчика и лебедя, образы которых являются одними из главных в удмуртской мифологии. В одном случае усматривается связь с образом бога-творца, в другом – первопредком рода. Другие примеры отражают

общие звукообразы птиц, что может свидетельствовать о более архаичном способе освоения и отражения окружающего мира. Однако «птичья» тематика удмуртских инструментальных наигрышей не имеет ярко выраженной природы. Ее звукоподражательность, как главный ключ к пониманию программности наигрышей, заложена в мелодико-ритмических, тембро-динамических компонентах структуры, исполнительских приемах. Понимание этого дает возможность объективной оценки и значимости инструментальных наигрышей, сохранивших связь с мифологическим прошлым.

Литература

1. Владыкин, В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов [Текст] / В. Е. Владыкин. – Ижевск : Удмуртия, 1994. – 384 с.
2. Соколов, С. В. Звукоподражательные названия птиц в удмуртском языке [Текст] / С. В. Соколов // Вопросы удмуртского языкознания. – Ижевск : УДНИИ при СМ УАССР, 1973. – Вып. 2. – С. 163–175.
3. Владыкина, Т. Г. Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики [Текст] / Т. Г. Владыкина. – Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 1997. – 356 с.
4. Пчеловодова, И. В. Семантика орнитоморфных образов в поэтических текстах удмуртских неприуроченных лирических песен [Текст] / И. В. Пчеловодова // Филологические науки. Вопросы теории и практики в 2-х ч. – Ч. II. – 2014. – № 11 (41). – С. 152–156.
5. Максимов, С. А. *Љуж уџыти но шуйсько ке...*, или к символике соловья в удмуртской песенной культуре [Текст] / С. А. Максимов // Ежегодник финно-угорских исследований. Том 10. – Вып. 2. – Ижевск : Издательский центр Удмуртский университет, 2016. – С. 58–72.
6. Кунгуров, С. Н. Удмуртские традиционные музыкальные инструменты [Текст] / С. Н. Кунгуров. – Ижевск : [б. и.], 1994. – 28 с.
7. Нуриева, И. М. Голоса птиц в языке и мифопоэтической традиции удмуртов [Текст] / И. М. Нуриева, И. В. Пчеловодова // Традиционная культура. – 2016. – № 2. – С. 42–52.
8. Пчеловодова, И. В. Жанровый состав традиционной инструментальной музыки удмуртов [Текст] / И. В. Пчеловодова (рукопись).
9. Бойкова, Е. Б. Песни южных удмуртов [Ноты] / Е. Б. Бойкова, Т. Г. Владыкина. – Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 1992. – Вып. 1. – 192 с. (Удмуртский фольклор).
10. Гиппиус, Е. В. Удмуртские народные песни: Тексты и материалы [Тексты] [Ноты] / Е. В. Гиппиус, З. В. Эвальд. – Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 1989. – 84 с. (Памятники культуры. Фольклорное наследие).
11. Травина, И. К. Удмуртские народные песни [Ноты] / И. К. Травина. – Ижевск : Удмуртия, 1964. – 228 с.
12. Бояркин, Н. И. Мордовские инструментальные наигрыши на орнитоморфную тему [Текст] / Н. И. Бояркин // Традиционная музыка народов Поволжья и Приуралья. Вопросы теории и истории. – Казань : ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1989. – С. 49–62.
13. Мелетинский, Е. М. Историческая поэтика фольклора: от архаики к классике [Текст] / Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов, Е. С. Новик. – М. : РГГУ, 2010. – 285 с. (Традиция-текст-фольклор: типология и семиотика).

14. Айхенвальд, А. Ю. К реконструкции мифологических представлений финно-угорских народов [Текст] / А. Ю. Айхенвальд, В. Я. Петрухин, Е. А. Хелимский // Балто-славянские исследования: 1981. – М. : Наука, 1982. – С. 162–192.
15. Научно-отраслевой архив Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН.
16. Чисталев, П. И. Коми народные музыкальные инструменты [Текст] / П.И. Чисталев. – Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1984. – 104 с.
17. Островский, Д. Н. Вотяки Казанской губернии [Текст] / Д. Островский // Труды общества естествоиспытателей при императорском Казанском университете. – Т. 4. – № 1. – Казань : Лито- и типография К.А. Тилли, 1873. – 48 с.
18. Атаманов, М. Г. Микроэтнонимы удмуртов [Текст] / М. Г. Атаманов // Микроэтнонимы удмуртов и их отражение в топонимике. – Ижевск : НИИ, 1980. – С. 3–66.

References

1. Vladykin V. Ye. *Religiozno-mifologicheskaja kartina mira udmurtov* [Religious and mythological picture of the world of the Udmurts]. Izhevsk: Udmurtija Publ., 1994. 384 p.
2. Sokolov S. V. *Zvukopodrazhatel'nyje nazvanija ptic v udmurtskom jazyke* [Onomatopoeic names of birds in the Udmurt language]. *Voprosy udmurtskogo jazykoznanija* [Issues of the Udmurt linguistics], 1973, no. 2, pp. 163–175.
3. Vladykina T. G. *Udmurtskij fol'klor: problemy zhanrovoj evoljucii i sistematiki* [Udmurt folklore: the problem of genre evolution and systematics]. Izhevsk: UIYaL UrO RAN Publ., 1997. 356 p.
4. Pchelovodova I. V. *Semantika ornitomorfnyh obrazov v poeticheskikh tekstah udmurtskih nepriurochennyh liricheskikh pesen* [Semantics of the ornithomorphic images in poetic texts of the Udmurt non-timed lyrical songs]. *Filologičeskije nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of theory and practice], 2014, no. 11(41): in 2 iss. Iss. II, pp. 152–156.
5. Maksimov S. A. *Chuzh uchypi no shuis'ko ke..., ili k simbolike solov'ja v udmurtskoj pesennoj kul'ture* [When I am talking about the nightingale..., or to the symbolism of the nightingale singing in the Udmurt culture]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2016, vol. 10, no. 2, pp. 58–72.
6. Kungurov S. N. *Udmurtskije tradicionnyje muzykal'nyje instrumenty* [The Udmurt traditional musical instruments]. Izhevsk [w/p], 1994. 28 p.
7. Nurieva I. M., Pchelovodova I. V. *Golosa ptic v jazyke i mifopoeticheskoj tradicii udmurtov* [The voices of birds in language and mythopoetic tradition of the Udmurts]. *Tradicionnaja kul'tura* [Traditional culture], 2016, no. 2, pp. 42–52.
8. Pchelovodova I. V. *Zhanrovyyj sostav tradicionnoj instrumental'oj muzyki udmurtov* [Genre structure of the traditional instrumental music of the Udmurts] (unpublished manuscript).
9. Boykova Ye. B., Vladykina T. G. *Pesni juznyh udmurtov* [Songs of the Southern Udmurts]. Izhevsk: UIYaL UrO RAN Publ., 1992. Iss. 1. 192 p.
10. Gippius Ye. V., Evald Z. V. *Udmurtskije narodnyje pesni: Teksty i materialy* [Udmurt folk songs: Texts and materials]. Izhevsk: UIYaL UrO RAN Publ., 1989. 84 p.
11. Travina I. K. *Udmurtskije narodnyje pesni* [Udmurt folk songs]. Izhevsk: Udmurtija Publ., 1964. 228 p.
12. Boyarkin N. I. *Mordovskije instrumental'nyje naigryshi na ornitomorfnuju temu* [Mordovian instrumental melodies on ornithomorphic theme]. *Tradicionnaja muzyka narodov Povolzh'ja i Priural'ja. Voprosy teorii i istorii* [Traditional music of the peoples of the Volga and Ural regions. Theory and history]. Kazan: IJaLI im. G. Ibragimova KFAN SSSR Publ., 1989, pp. 49–62.
13. Meletinskiy Ye. M., Neklyudov S. Yu., Novik Ye. S. *Istoricheskaja poetika fol'klora: ot arhaiki k klassike* [Historical poetics of folklore: from antiquity to the classics]. Moscow: RGGU Publ., 2010. pp. 285.
14. Aikhenvald A. Yu., Petrukhin V. Ya., Khelimskiy Ye. A. *K rekonstrukcii mifologicheskikh predstavlenij finno-ugorskih narodov* [To the reconstruction of the mythological representations of Finno-Ugric Peoples]. *Balto-slavjanskije issledovanija: 1981* [Balto-Slavic studies: 1981]. Moscow: Nauka Publ., 1982, pp. 162–192.

15. *Nauchno-otraslevoj arhiv Udmurtskogo instituta istorii jazyka i literatury UrO RAN* [Scientific and industrial archive of the Udmurt institute of history, language and literature of the UB RAS].
16. Chistalyov P. I. *Komi narodnyje muzykal'nyje instrumenty* [Komi folk musical instruments]. Syktyvkar: Komi knizhnoje izdatel'stvo Publ., 1984. 104 p.
17. Ostrovskiy D. N. *Votjaki Kazanskoj gubernii* [The Votyaks of Kazan province]. *Trudy obshchestva estestvoispytatelej pri imperatorskom Kazanskom universitete* [Proceedings of the Society of Naturalists at the Imperial University of Kazan]. Kazan: Lito- i tipografija K.A. Tili Publ., 1873. Vol. 4, no. 1. 48 p.
18. Atamanov M. G. *Mikroetnonimy udmurtov* [Micro-ethnonyms or the Udmurts]. *Mikroetnonimy udmurtov i ih otrazhenije v toponimike* [Micro-ethnonyms of the Udmurts and their reflection in the toponymy]. Izhevsk: NII Publ., 1980, pp. 3–66.